

СТРАХ В ПОДАРОК

АЛЁНА ЗАИНА

16 лет. Живет в поселке Сназна под Тюменью. Учится в Тюменской православной гимназии. Увлекается монтажом видео, фотографией и дойной козы. Впечат-

лилась книгами Владислава Петровича Крапивина из цикла «В глубине Великого кристалла» и готова перечитывать их бесконечно, с наждым разом открывая для себя в них все новые грани.

Когда живешь на планете, где все сплошь состоит из страха, очень трудно быть трусом. Всем ведь известна великая мудрость: «Храбрый не тот, кто ничего не боится, а тот, кто умеет преодолевать свой страх». Так вот у нас на этой мысли построена вся сущность бытия.

Когда я узнал, что в просторах космоса, кроме нашей планеты, есть и другие, тоже обитаемые, сначала удивился. Все, что я знал о законах мира, рушилось на уроках астрономии, где нам рассказывали об особенностях быта наших братьев по разуму. Раньше я и подумать не мог, что где-то кто-то может жить не так, как у нас.

Не знаю, исполнится ли однажды моя сокровенная мечта – побывать на другой планете, но на случай, если не исполнится, решил записать эту историю. Пусть это будет мой вклад в создание научных документов о культурах планет нашей галактики.

Итак, знакомьтесь: планета Фобиара и ее искусственный спутник-прожектор Боязар. Страна здесь всего одна – тоже Фобиара, а значение инопланетного слова «материк», равно как и «континент», я не понял. Городов у нас много. Столица, например, Опасения, а ее город-спутник (обожаю умные словечки!) – Непокойн. Там я никогда не был, мой дом – это глухая провинция, село Тревожное.

Но давайте вернемся к планете. Главный элемент атмосферы здесь – ужасрод, местная валюта – страши, жители – страхолюдины (внешне мы выглядим плюс-минус как, скажем, земляне).

Да, страх. Он окружает нас везде и всегда. Как я уже сказал, главный химический элемент здесь – ужасрод. Здесь все из него состоит. Твердь под ногами, небо над головой, тревогоры – высокие выступы тверди, морозеро – самый большой источник жидкости на планете, страшилы – по-инопланетному «звери», даже дождь, который проливается из тучаяний, и даже я – ученик девятого класса, Одиночий Мурашкин (имена у нас веселые, привыкайте).

Ужасрод, как понятно из названия, рождает ужас. Мы вот ходим по страхамням – а это не соединения минеральных веществ, как на других планетах, – это чей-то страх. Ужас никогда не исчезает бесследно: испугался чего-то, и у тебя появляется новый страх – темный сгусток ужасрода, который привязан к тебе уздой. Пока этот страх твой, на нем горит красная точка-маяк: это значит, что страх принадлежит тебе и ты должен его побороть.

Когда ты побеждаешь свой страх, точка на нем гаснет, узда отцепляется от тебя и ты можешь положить его в свою коллекцию, как ценный трофей. Чем больше у тебя трофеев, тем, значит, смелее

и сильнее ты сам. Не поверите, но я видел со-родичей, которые ходят все обвешанные страха-ми, так и сгибаются под ними – лица не видно! Аж страшно за них...

У меня таких проблем, к счастью, никогда не было, я даже дерзну назвать себя довольно сме-лым мальчиком. Так вот, когда жизненный путь страхолюдины кончается, все его страхи вместе с ним самим становятся единым целым со всей планетой. Так у нас и появились все эти тревого-ры и морозеро.

Из этого морозера, кстати, недавно вылез новый страшила – огромный черный пес. Он уже который день околачивается возле Тревожного и все пытается подкараулить меня: видимо, он ищет подходящего страхолюдину, чтобы прище-питься к нему на узду, – со мной он ошибся, я не боюсь собак (если, конечно, они не выскакивают из-за паникустов со скоростью тьмы).

Я как раз успел добежать до дома и запрыгнуть на забор, чтобы не попасть в его клыки, как вдруг меня окликнули:

– Динка!

На всей планете меня, Одиночия Мурашки-на, называли Динкой только два существа: мама и школьный товарищ Пугливанн.

– Страшный вечер, Пугля!

Я жестом пригласил его к себе на забор: страх-пес уже куда-то слинял, но вряд ли это было на-долго. Пугля не заставил себя ждать. Мальчишки – они и в другой вселенной мальчишки, дай только на заборе посидеть!

– И тебе страшный вечер. Догадайся, зачем я пришел?

– А что, просто так ты прийти не мог?

Я сгорбился на заборе: во-первых, после дол-гого бега от пса устала спина, во-вторых, чтобы не показать, что нервничаю. Я-то знал, о чем он.

– Ха, ну ты чудак... – Пугля притянул меня к себе и обнял: очень редкий жест в наших краях. Он был старше меня года на два, а я любил его как брата, хоть и жутко стеснялся этого. – С днем рождения тебя, Динка. Пусть страх заполняет все твое существование и Боязар всегда све-тит над головой! Здоровья.

– Долго речь готовил? – пробурчал я, чтобы хоть как-то заглушить смущение.

– Я принес тебе подарок, – как ни в чем не быва-ло продолжил Пугля.

Вот тут у меня прямо дух захватило.

– Подарок?

– Да. Но я его тебе не отдам.

Для меня осталось тайной, что он в тот момент увидел в моих глазах, но он тут же прыснул от смеха.

– Да ладно тебе! Это жутка.

– Очень смешно!

– Ладно, ладно... Не порть момент. Это тебе!

И он вытянул из кармана темный, холодный страх.

Не знаю, какие традиции относительно подар-ков обитают на вашей родине, но у нас так делали всегда. Ведь подарить страх – это значит сказать человеку: «Ты очень сильный и смелый. Я ува-жаю твой характер». Это большая честь, это зна-чит, что тебе желают перебороть еще один страх и стать более храбрым.

Я просто затрясся от радости и предвкуше-ния. Мама подарила мне страх еще утром, и я был очень рад ее подарку, но... только потому, что она мама. Ее страх меня не очень впечатлил, потому что он был легкий – всего лишь страх высоты.

Но этот... от него так и веяло ужасом, хотя я пока и не понял, что этот сгусток тьмы собой представляет.

– Это мой детский страх. Он особенный. Потому что... я до сих пор не понимаю, *что это* и как я это переборол. А еще...

Тут Пугля слегка запнулся, а потом, словно нехотя, повернул страх другим бочком. Я вздро-нул. Красная точка!

Я пошарил глазами в поисках узды... но так и не нашел ее.

– Что это? Подожди... Ты не переборол его? Точ-ка светится, значит, страх принадлежит тебе. Или не тебе...

– В этом-то и дело. Узды нет, а значит, это сво-бодный страх. Но точка все еще горит, а зна-чит...

Я догадался сразу:

– Это один из вечных...

Вечных страхов было всего два: страх смерти и страх одиночества. Они сидели на высокой баш-не, на площади в самом центре Опасении, и на них всегда горели красные точки, хотя узды не было ни у того, ни у другого. Это означало, что они принадлежат каждому, всему обществу в целом. Неужели теперь появился третий вечный?

Пугля отрывисто кивнул и заговорил быстрее:

– Я подумал, если я подарю его тебе и ты смо-жешь его перебороть, то станешь Мудрейшим. Если ты покажешься ему слабым, он просто уйдет, а если нет... Но ты не слабый, я знаю, ты справишься!

Он говорил мне еще много чего, видимо, боялся, что я не оценю подарок. А я был дико рад и в то же время напуган. Вечный страх... Каким образом я с ним справлюсь? Ведь я даже не знаю, какой он... Потом я благодарил Пуглю, и мы болтали о том о сем... Я все сидел, держа его подарок в руках, и страх загадочно мигал мне красным огоньком. Потом Пугля по обычаю пожелал мне спокойной ночи, дружески хлопнул меня по плечу и исчез в вечерних сумерках.

Только тогда я наконец решился. Сжал страх покрепче, поднес к груди и дал ему привязаться к себе. Страх привязался. Между нами натянулась прочная нить. Я ожидал немедленно почувствовать разрывающую панику, холод в спине или что похуже... Но ужаса не было. Наоборот, по телу разлилась непривычная легкость. У нас не принято использовать слово «счастье» в повседневной жизни, даже радость – явление редкое, все это удел Мудрейших... Но в те минуты я ощущал такое блаженное тепло среди общей стужи планеты, такой бесшабашный прилив сил...

По дороге загремела жуть-телега. Какой-то страхолюдина крикнул с нее: «Эй, мелюзга! Держи свой страх в узде!» Это он мне: мой извечный страх в виде маленького паучка отлетел слишком далеко, пока я тут мечтал. Я подтянул его к себе за узду, обхватил двумя руками, всмотрелся в красный паучий глаз. Мне не было страшно. Тогда я поднес паука к лицу и потерялся о его щетинку. Не страшно.

С оглушительным рыком прямо под мой забор выпрыгнул пес-страшила. Опять он здесь... Он бросался, выл, но меня даже не передернуло. Медленно, но верно я осознавал, что происходит.

Я больше ничего не боялся. Неужели это возможно? Да?! Я запрокинул голову, глядя в мутное небо, и засмеялся – так, как умеют только Мудрейшие. Это было прекрасно!

Тут в мое сознание ворвался крик соседки: «Мурашкин! Матери плохо опять!» Обычно подобные слова взрывались внутри меня приступом ужаса, и мой страх потерять близких разбухал на всю катушку, а я стремительно мчался домой, дать маме таблетку...

Но не теперь. Я не двинулся. Я отчетливо понимал, что происходит, но страх за ближнего молчал. В глубине души я хотел рвать на себе волосы, но весь ужас из меня выбило напрочь. Я покачивался на заборе и безмятежно улыбался. В теле пело чувство грандиозной свободы и одна-единственная мысль, что теперь мне все по барабану.

А зачем бояться? Жизнь – всего лишь миг...

Соседка сначала смотрела на меня с недоумением, может, думала, что я не расслышал... А потом, видимо, все поняла. Она выпучила глаза и попятилась в темноту, глядя на меня, как на нового страшила. И тут я ослепительно ясно осознал смысл одного из древних афоризмов: «Монстры не имеют страха».

Это осознание ударило меня наотмашь, и я с криком полетел на страхамни. Сердце таранило. Страх высоты...

На меня стремительной волной накатывали ощущения жизни – страх ранений от разбитых ладоней, страх пауков, сидящих в темноте, и... страх за ближнего. Я вскочил на ноги и пулей рванул в дом.

К маме! Таблетку! Запить! Быстро!

Руки у меня тряслись, а за спиной болтался огромный подарок Пугли. Это был страх потерять страх. Звучит смешно, но мне было не до смеха! Я так боялся снова впасть в это состояние полной безмятежности, так боялся!

Фобии с первых дней жизни мечтают избавиться от всех страхов, а я был чудовищно рад, что теперь боюсь этой мечты. Я всегда ненавидел свои страхи, а *этот* страх я вдруг полюбил. И был ему благодарен. Любить свой страх – о, силы вселенские! Это было до боли странное чувство... И до слез живое... Страх – не кара небесная, он помогает жить, любить, ценить – вот что я тогда понял!

Но это уже не важно. Важно, что мама жива-здорова.

И, может быть, не только Мудрейшие бывают счастливыми?..

Одиночий Мурашкин, 15 лет

